А. Р. Ибрагимов

Раджа Юдхиштхира – праведный царь «Махабхараты»

А. Р. Ибрагимов

Раджа Юдхиштхира – праведный царь «Махабхараты»

«Издательство «Перо»

2024-2026

УДК 233-265.33
ББК 84(5Инд)

Ибрагимов А. Р.

Раджа Юдхиштхира – праведный царь «Махабхараты» /
А. Р. Ибрагимов — «Издательство «Перо», 2024-2026

ISBN 978-5-00289-380-5

Книга посвящена институту царской власти и представлениям о правителе героической эпохи на примере легендарного монарха — центрального персонажа древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Старший из братьев-Пандавов, благородный Юдхиштхира, возглавляет лагерь протагонистов и носит гордый титул дхармараджи — Царя справедливости. Это именование во многом оправдано его происхождением: он земной сын Дхармы, бога закона и посмертного воздаяния, с юности известный своей мудростью и праведностью. Однако правитель совершает роковые ошибки, а его добродетель подвергается суровым испытаниям. Ради достижения политических целей праведный герой порой сам нарушает космический закон пли закрывает глаза на бесчинства приближённых. Компаративный анализ показывает, что подобная этическая «гибкость» разительно отличает Юдхиштхиру от других вождей индоевропейского эпоса — Энея, Кей-Хосрова, Дитриха Бернского пли короля Артура. Склонность индийской традиции к дидактике лишь усиливает парадокс странной снисходительности сказителей к Царю справедливости, который к тому же периодически пытается оставить трон ради лесного отшельничества. Почему авторы «Махабхараты», открыто обнажая слабости Юдхиштхиры, всё же оставляют его на пьедестале благочестивого правителя? Чтобы ответить на этот вопрос, автор исследует образ героя в контексте традиционных индийских моделей идеального государства и царских обязанностей. Издание адресовано всем, кто интересуется эпическими и мифологическими сказаниями Древней Индии.

УДК 233-265.33
ББК 84(5Инд)

ISBN 978-5-00289-380-5

© Ибрагимов А. Р., 2024-2026
© «Издательство «Перо», 2024-2026

Содержание

Введение 7
Часть I 11
1. Происхождение 12
2. Предвещания 15
3. Первородство 18
4. Непримечательное отрочество 20
Часть II 22
5. Государственный переворот 23
6. Первое изгнание 27
7. Первое странствие 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

А. Р. Ибрагимов
Раджа Юдхиштхира – праведный царь «Махабхараты»

«…Может быть, эту книгу увидят люди, которые знают больше и сочтут, что о многом здесь рассказано слишком кратко, и многое, достойное упоминания, опущено. Тогда пусть они велят написать об опущенном, если хотят»
Сага о Сверрире

«Они избегают пользоваться пером, поскольку оно бессильно и может добавить или опустить что-нибудь в написанном»
Абу Рейхан Бируни «Индия»

© А. Р. Ибрагимов, 2026

Введение

«Мифологемы, образы богов, религиозные символы не могут рассматриваться как проблемы, подлежащие решению»
Карл Кереньи «Исследования лабиринта»

Сюжетную основу великого эпоса Древней Индии «Махабхараты» составляет яростная и при этом тянущаяся десятилетиями династическая распря между двумя семьями одного царского рода. Как положено героическому эпосу и большинству произведений фольклора вообще, одна из сторон конфликта представлена в сказании благородными (по крайней мере, на первый взгляд) протагонистами, другая – их несимпатичными противниками. Во главе каждой из враждующих фратрий находится старший из братьев, претендующий на царский трон. Семью и лагерь Пандавов возглавляет дхармараджа (то есть Царь справедливости) Юдхиштхира, лагерь Кауравов – коварный и завистливый царевич Дурьйодхана. Но Юдхиштхира плохо вписывается в стереотипную нишу эпического лидера одного из противоборствующих кланов – где его нередко затмевает средний брат и главный витязь Пандавов доблестный Арджуна – и представляет интерес в качестве живого и противоречивого персонажа. Дело в том, что старший Пандава самыми разными действующими лицами и рассказчиками то превозносится как образец мудрого и праведного царя, то обличается как неискусный правитель и дурной глава семейства. Причём рацеями в адрес Юдхиштхиры отмечаются не только его недоброжелатели, но и самые близкие и любящие люди – заботливая мать, преданная супруга, почтительный брат. Подспорьем в рассмотрении образа старшего Пандавы послужит классификация облечённых властью персонажей эпоса.

Образы правителей государств, патриархов и прочих вождей и предводителей племён и народов в героических сказаниях можно предварительно отнести к одной из трёх основных категорий:

1. Правитель, олицетворяющий абстрактную государственную власть и полностью лишённый черт эпического героя (князь Владимир былин Киевского цикла; Людовик Благочестивый французских жест о Гильоме).

2. Правитель-герой, хоть изредка являющий черты витязя или военного вождя (король Бургундии Гюнтер «Песни о Нибелунгах»; царь Давид Ветхого Завета).

3. Правитель-мудрец и духовный лидер (царь Эвандр «Энеиды»; патриархи Ветхого Завета).

Нетрудно заметить, что предложенная классификация вполне схематична. Прежде всего, каждая из выделенных категорий при ближайшем рассмотрении оказывается неоднородной: если *владетельный князь* Дитрих Бернский одноимённой саги выступает преимущественно как могучий и лихой рыцарь, то расхожий *образец рыцарства* валлиец Артур, наоборот, прежде всего король, при дворе которого собираются рыцари Круглого Стола. Кроме того, образы многих персонажей героических сказаний имеют смешанный характер (*e. g.*, сочетание черт героя и духовного лидера в образе Авраама Ветхого Завета). Другие, подобно царю Давиду, демонстрируют текучесть, *естественно и необратимо* переходя со временем из одной категории в другую: поглощённый сражениями и походами военный вождь с возрастом может превратиться в старого мудрого правителя.

Но даже предложенной предельно схематичной классификации эпических вождей оказывается достаточно, чтобы усмотреть в образе Юдхиштхиры ряд примечательных особенностей. Старший Пандава не только несёт (или время от времени проявляет в качестве доминирующих) черты всех трёх основных категорий, но и ухитряется обращать естественную эволюцию вспять, колеблясь между ними. В результате герой подчас не оправдывает ожиданий своих

родных и союзников, вызывая тем их негодование. Источником недовольства близких оказывается либо соединение в Юдхиштхире названных выше ипостасей, которое не всегда происходит гладко, либо проявление Юдхиштхирой какой-либо из них невпопад, то есть не соответствующее требованиям момента (что может быть критично в условиях политической борьбы и военного противостояния).

Расплывчатым амплуа эпического правителя особенности образа Юдхиштхиры не ограничиваются. Его отношение к власти непоследовательно: он то стремится к трону, то принимается мечтать о лесном отшельничестве; мудрецам и наставникам приходится напоминать Юдхиштхире о долге царя перед подданными. Глава клана протагонистов, сын и частичное воплощение бога закона и справедливости Дхармы, гордо носящий титул Царя справедливости, праведный Юдхиштхира ради достижения цели оказывается способен лично нарушить дхарму или закрыть глаза на предосудительные действия присных. Это разительно отличает Юдхиштхиру от других вождей протагонистов героической поэзии: для Энея, Авраама или Артура отступление от норм морали, принятых в их среде и предписанных небом, совершенно невозможно. А о том, что именно Пандавы являются протагонистами сказания, поэт усердно напоминает аудитории буквально с первых строк сказания: «Величественный мудрец» (Вьяса – А. И.) «рассказал… о честности Пандавов и о злых кознях сыновей Дхритараштры» («Махабхарата», книга I, глава 1, шлока 60). Также во первых строках и глава клана персонально получает отменно восторженную характеристику: «Юдхиштхира – это громадное дерево, выросшее из закона…» («Махабхарата», книга I, глава 1, шлока 66). Царственный герой пользуется любовью народа, и вот как в разгар распри почтительные подданные характеризуют противостояние Юдхиштхиры и его соперников: «Тебе, о Индра людей, доброму, неизменно преданному дхарме, вечно ищут вреда эти лютые злодеи!» («Махабхарата», книга III, глава 24, шлока 10).

Итак, с одной стороны, Царь справедливости порой совершает неприглядные поступки (будут подробно рассмотрены в соответствушюих разделах), ухитряясь при этом в глазах сказителей сохранять своё *renommee* носителя и едва ли не воплощения дхармы. С другой стороны, Юдхиштхира может впадать в крайность неумеренного смирения и праведности: он проявляет терпимость и сочувствие по отношению к смертельным врагам, подвергая дело Пандавов и жизни своих сторонников излишнему риску и получая от них обвинения в недальновидности. Кроме того, сам Юдхиштхира то шумно и назойливо превозносит свою безупречную честность, то с не меньшей страстью принимается корить себя за грехи и в отчаянии собирается оставить завоёванное ценой страшных жертв царство ради покаянной жизни лесного отшельника.

Перечисленные аберрации не только вызывают недоумение и досаду других персонажей, но, как будет показано в своё время, подчас идут вразрез с канонами героических сказаний. Ещё одной примечательной особенностью дхармараджи является поручение важнейших подвигов создания, защиты и функционирования государства его заместителям – младшим братьям. Можно предположить, что делегирование частных задач позволит царю сосредоточиться на общем управлении, но такое предположение будет ошибочным: стратегическое руководство Царь справедливости передоверяет своему кузену богу-герою Кришне. Ярко и откровенно живописуя слабости и недостатки Юдхиштхиры, составители и редакторы сказания в кажущемся противоречии с фактами его биографии сохраняют за царём пьедестал доблестного и благочестивого правителя. Общая склонность индийского сказания к дидактике и морализаторству лишь усугубляет впечатление странной снисходительности к превозносимому сказителями Царю справедливости. Указанные особенности одного из центральных персонажей «Махабхараты» по сравнению с другими царями сказания привлекают внимание и заслуживают тщательного рассмотрения, но сколько-нибудь обстоятельного и популярного отечественного труда о Царе справедливости великого индийского эпоса нам не известно. Полностью

сознавая несоизмеримость наших возможностей со сложностью задачи, мы попытаемся хотя бы частично восполнить указанный пробел (не претендуя, конечно, на охват всего необъятного материала об образах царей и природе царской власти в индийском героическом эпосе).

Для исследования образа Юдхиштхиры прежде всего необходимо проследить, как герой *исполнял долг царя*, то есть установить, насколько его деятельность соответствовала предписаниям – строго и тщательно регламентированным «должностным» обязанностям индийского правителя. Подобное разыскание, на первый взгляд, не представляет особой сложности: наука управления государством процветала в Древней Индии, и её положения дошли до нас как в специальных сочинениях, так и в переложении, в том числе в тексте самой «Махабхараты». Но задача осложняется тем, что в сказании наличествуют две значительно различающиеся модели государства, очевидно, представляющие разные исторические эпохи. Кроме того, нас будет интересовать, какую оценку деятельность царя получала у поэта. С этой целью мы предполагаем систематически изложить биографию Юдхиштхиры, в основном следуя сюжету сказания. Приводя события, речи героев и обрамляющие ремарки сказителей, мы постараемся избегать собственного пересказа и основывать наше изложение и выводы на цитатах академического русского перевода «Махабхараты». Обильное цитирование текста сказания призвано гарантировать, что интерпретации автора не слишком погрешат плавным перетеканием в фантазию. В цитатах мы не будем избегать обычных для индийского героического эпоса указаний поэта на связи героев с мифологическими персонажами (генеалогические и иные), так что у менее подготовленного, но внимательного читателя может сложиться хотя бы фрагментарная картина индуистского пантеона и некоторых важных для сюжета земных нисхождений (аватар) насельников неба.

При цитировании «Махабхараты» римскими цифрами будут обозначены номера книг, арабскими – номера глав; где возможно, будут указаны номера шлок (двустиший), набранные арабскими цифрами курсивом. В названии разделов в скобках указаны соответствующие книги сказания. Книга снабжена составленными автором генеалогическими схемами представителей нескольких поколений Лунной династии и некоторых семейств, состоящих с ней в родстве или свойстве, а также списком использованной литературы. Заботясь об удобстве читателя, автор не стал исключать некоторое перекрывание с материалом других своих книг о «Махабхарате», так как читатель данной книги не обязан иметь перед собой предыдущие. Кроме того, чтобы не чинить лишних препятствий при чтении, автору представилось разумным помещать ссылки на цитируемую литературу не в подстраничных примечаниях, но в скобках по ходу изложения.

Источником текста «Махабхараты» нам послужил её академический русский перевод, основанный на критическом издании санскритского текста (г. Пуна, Индия, 1927–1966 гг.). Из-за отсутствия как русского, так и современного английского академических переводов XII и XIII книг «Махабхараты» (за исключением доступных в сети первых семи глав XII книги в переводе С. Л. Невелевой и третьей части XII книги в переводе Б. Л. Смирнова; академический английский перевод XII книги Дж. Фитцджеральда был завершён в 2026 г, когда наша рукопись сдавалась в печать) автор был вынужден прибегать к устаревшему английскому переводу Гангули 1883–96 гг. Следует отметить возможность расхождений санскритского текста в основе переводов Гангули и Смирнова с текстом критического издания. Аналогично, из-за отсутствия авторитетного русского перевода «Хариванши» («Родословие Хари», то есть Кришны), которую принято считать XIX (дополнительной) книгой «Махабхараты», автор использовал её английской перевод. Кроме того, русский перевод другого великого древнеиндийского эпоса, «Рамаяны», пока ограничен I–III изданными книгами, так что, при необходимости обратиться к тексту памятника, в качестве источника IV–VII книг автор использовал академический английский перевод.

Необходимы некоторые пояснения терминологического характера. И Пандавы, и Кауравы относятся к Лунной династии и происходят от общего предка – древнего героя Куру.

Поэтому сказание иногда, и вполне обоснованно, называет Кауравами не только сыновей царя Дхритараштры, но весь род, включая Пандавов, а порой распространяет это именование на лагерь сторонников сыновей Дхритараштры. Далее, русский академический перевод критического издания «Махабхараты» осуществляется на протяжении десятилетий рядом отечественных индологов: В. И. Кальяновым, С. Л. Невелевой, Я. В. Васильковым, В. Г. Эрманом. В результате в книгах, подготовленных разными переводчиками, написание некоторых имён собственных и прозвищ различается. Так, одни авторы перевода пишут семейные имена главных героев Пандавов и Кауравов, а также матроним пятерых братьев Пандавов – Партхи – с заглавной буквы, тогда как другие – со строчной. Кроме того, титулование старшего из братьев Пандавов Юдхиштхиры одни переводчики передают как Царь справедливости, используя заглавную букву, другие – строчную. Для единообразия и удобства читателей автор взял на себя смелость писать эти имена и титул с заглавной буквы не только в основном тексте, но и во всех цитатах. Зал Собрания царя Дхритараштры, где произойдёт завязка второго хода сказания, мы будем писать с заглавной буквы, следуя переводчикам С. Л. Невелевой и Я. В. Василькову, так же, как и прозвище одного из центральных героев, Карны – Сын суты. Также с заглавной буквы мы будем писать название главного небесного оружия первого витязя сказания – лука Гандивы. Аналогично, мы будем придерживаться единообразия в русской транскрипции имени главного витязя Кауравов – Дурьйодханы, – следуя за переводчиком первых книг эпопеи В. И. Кальяновым.

Бостон – Москва, 2024–2026

Часть I
Истоки (Книга 1)

«…Славных героев божественный род. Называют их люди
Полубогами: они на земле обитали пред нами.
Грозная их погубила война и ужасная битва»
Гесиод «Труды и дни»

В этом разделе будет показано, как сказание, используя расхожие эпические мотивы индоевропейской фольклорной традиции (небесная родословная героя, тяготеющее над родом проклятие, пророчества о судьбе героя, его чудесное рождение, героическое детство, богатырское сватовство и проч.), тщательно готовит сцену для появления будущего Царя справедливости. Затем на эту сцену выводится сам герой, и мы рассмотрим, как описание его ранних лет предвещает формирование уникального для героической поэзии персонажа.

1. Происхождение

«Происхождение героев, как и происхождение рек, …трудно постижимо»
«Адипарва» 127

Витязи и правители героических сказаний нередко имеют небожителя в качестве родителя или более далёкого предка, и «Махабхарата» не представляет исключения. Пандавы могут похвастать потусторонними прародителями в целом ряде предшествующих поколений. Сказание подробно излагает происхождение Пандавов, и мы рассмотрим его *ab ovo*, чтобы детально разобраться в истоках династического конфликта, лежащего в основе сюжета, а заодно представить читателю ряд важных действующих лиц. Кроме того, история предков центральных героев сказания имеет вес в качестве композиционного приёма, который не должен ускользнуть от нашего внимания: величие предшествующих поколений – это расхожий эпический мотив, предуготовляющий появление величайших героев (ср. подвигам иранского героя Ростема предшествуют деяния его прадеда Наримана, деда Сама, отца Заля; сага о германском герое Тидреке открывается изложением подвигов его деда рыцаря Самсона).

Начнем с истории царя Шантану, номинального прадеда Пандавов и Кауравов.

Шантану, родившийся у царя Пратипы, был земным воплощением божественного риши Махабхиши, так как тот в наказание был обречён Брахмой воплотиться в земнородном: «Однажды боги совершали поклонение Брахме. Там были царственные мудрецы и царь Махабхиша. И Ганга, лучшая из рек, тоже пришла к своему деду. Её одежда, подобная луне, была раскрыта ветром. Тогда боги немедленно опустили головы, но царственный мудрец Махабхиша беззаботно посмотрел на Реку. И тогда Махабхиша был проклят великим Брахмой» (дедом Ганги – А. И.), «который изрёк: «Родившись среди смертных, ты опять достигнешь (этих) миров!»» (Мбх I, 91, *3–6*). Итак, прадед Пандавов и Кауравов имел небесный прообраз.

Шантану сочетался с богиней Гангой и породил будущего «Деда» Кауравов Бхишму – низведённого на землю (кстати, тоже в наказание) бога Дьяуса, одного из восьмерых Васу, – в земном воплощении могучего, доблестного, мудрого и благородного царевича и важнейшего участника грядущей династической распри. Оставленный Гангой, Шантану полюбил юную дочь рыбака красавицу Сатьявати, и здесь тоже не обошлось без вмешательства небесных сил: будущая вторая жена Шантану и прабабка Пандавов и Кауравов Сатьявати была дочерью царя Чеди (полубога) и апсары (небесной девы) по имени Адрика, представшей в виде рыбы.

Брак с Сатьявати привнёс два важнейших для династии Кауравов обстоятельства. Во-первых, у Сатьавати уже был тайно и непорочно зачатый со святым отшельником Парашарой (автором первой пураны) и росший на острове внебрачный сын – будущий божественный мудрец, редактор Вед, составитель «Махабхараты» и биологический дед Пандавов и Кауравов Вьяса [«…Риши, который едва родился, силою своей воли возрастил свое тело и изучил Веды с ведангами и сказаниями и достиг великой славы, которого никто не (мог) превзойти ни в подвижничестве, ни в изучении Вед, ни в обетах, ни в постах, ни в потомстве, ни в жертвоприношении, который первым из знатоков Вед разделил единую Веду на четыре части и как брахман-мудрец знал прошлое и будущее…» (Мбх I, 54, *3–5*)]. Во-вторых, царевич Бхишма отрёкся от притязаний на престол и принял целибат ради наследственных прав потомства своей мачехи Сатьявати, а впоследствии добыл для сына Сатьявати (то есть своего сводного брата) царя Вичитравирьи двух жён. Вичитравирья умер молодым, оставив двух бездетных вдов, сестёр-царевен Амбику и Амбалику. Их Бхишма в ходе богатырского сватовства похитил прямо со сваямвары (выбор жениха невестой) вместе с их старшей сестрой Амбой, которую впоследствии отпустил, так как у неё обнаружился суженый. Несчастную Амбу, скомпрометированную

похищением, жених отверг. Это важное обстоятельство: через много лет безбрачная и опозоренная Амба, приняв природу мужчины, то есть в качестве трансгендера, отомстит Бхишме за похищение с одобрения и с поддержкой Юдхиштхиры.

После безвременной смерти царя Вичитравирьи на сцену вновь выступает царица Сатьявати, желая подарить сыновей вдовым снохам по обычаю нийога. Речь идёт о распространённом в патриархальных обществах обычае, известном в европейской традиции как левират (от лат. *levir* – деверь): деверь берёт в жёны бездетную вдову покойного брата, как это принуждён был сделать ветхозаветный Онан, чтобы «восстановить ему семя» (Быт. 38:8), то есть не дать угаснуть его роду. Бхишма, приверженный обету целибата, от участия в процедуре отказался, и царица-мать обратилась к услугам другого деверя – своего незаконнорождённого сына, отшельника Вьясы. Вьяса согласился выполнить просьбу матери, но потребовал от Амбики и Амбалики искуса – нежным красавицам было предписано безропотно вынести отвратительные внешность и запах лесного аскета. Свидания не обошлись без осложнений: Амбика при виде Вьясы от отвращения закрыла глаза, а Амбалика, когда до неё дошла очередь, от ужаса побледнела. Суровый отшельник изрёк пророчества. Вот что было сказано о будущем царевиче-сыне Амбики: «Он будет по силе равен десяти тысячам слонов, будет мудрым и знаменитым, лучшим среди царственных мудрецов, одарённым великой доблестью и разумом… У него… будет сто могучих сыновей. Но из-за оплошности матери сам он будет слепой» (Мбх I, 100, *3–10*). Амбалике мудрец объявил: «Так как при виде меня, безобразного, у тебя появилась бледность, то и этот сын твой будет также бледным. И имя ему будет дано такое же!..»» (Панду – «бледный» – А. И.).

В словах мудреца можно усмотреть предвещание достижения слепым царевичем царской власти, славы и, возможно, долгой жизни. Ничего подобного его бледному брату пророчество не обещает. Так в предсказаниях божественного мудреца Вьясы, в которых отчётливо сквозят проклятия, закладывается судьба царственных отцов Кауравов и Пандавов: слепого, но могущественного царя Дхритараштры и могучего, но недолговечного Панду. Отметим кстати, что слепой сын старшей из двух вдовых цариц, очевидно, родился первым, то есть был старше своего бледного единокровного брата.

Неуёмная царица-мать потребовала от Вьясы третьей попытки («слепой ведь не может быть царём!») с участием старшей невестки, но брезгливая Амбика подсунула почтенному риши свою служанку, и на свет появился Видура, частичное воплощение бога Дхармы и будущий мудрый советник своего царственного единокровного брата.

Подводя итог введению в родословную главных действующих лиц сказания, заметим, что *stricto sensu* на Бхишме древний род Кауравов пресёкся по его добровольному решению, а правящая династия царства была продолжена матрилинейно Сатьявати, её внебрачным сыном Вьясой, а затем его биологическими сыновьями Дхритараштрой и Панду. Указанные обстоятельства заложили основу династического конфликта, который мы самым кратким образом наметим здесь и будем подробно рассматривать в дальнейшем по мере надобности. При жизни Панду слепой Дхритараштра, несмотря на старшинство, не мог сесть на царство по причине инвалидности; царём стал могучий и воинственный Панду. Соответственно, не было препятствий для объявления старшего сына царя Панду (и заодно старшего из всех царевичей данного поколения Пандавов и Кауравов) Юдхиштхиры наследником престола в Хастинапуре. Но после безвременной смерти Панду править царством стал, то есть *de facto* занял престол, Дхритараштра.

Вначале при Дхритараштре в качестве соправителя (или всё ещё в роли регента?) состоит Бхишма. Когда Кунти с пятью сиротами-Пандавами возвращаются из леса, именно «Бхишма тогда поведал великим риши о (состоянии) власти и царства» (Мбх I, 117, *18*). Очевидно, слепой царевич никогда не был введён в должность *de jure*, во всяком случае, ритуал помазания для него сказанием не упоминается, хотя эта процедура, судя по многочисленным упомина-

ниям поэта, была необходимой частью воцарения царевичей и важным сюжетным звеном сказания. Примеры находим для далеких предков Дхритарашры – Бхараты и Пуру. «…Назвав сына Шакунталы Бхаратой, царь Духшанта *помазал* его наследником престола» (Мбх I, 69, *44*). «…*Помазав* на царство своего любимого сына, царь Яяти, сын Нахуши, возрадованный удалился в лес и стал отшельником» (Мбх I, 81, *1*). То же происходит и с дедом Дхритараштры: «Таковы были достоинства, имевшиеся у великого создания – Шантану, быка из рода Бхараты. И поистине, не было ни одного кшатрия, подобного ему. Того хранителя земли, исполняющего свой закон и лучшего из блюстителей всех законов, цари *помазали* на царствование над царями» (Мбх I, 94, *5–6*) (здесь и выше курсив наш – А. И.). Позже регент Бхишма, по собственным воспоминаниям, одного за другим ставил на царство сводных братьев: «…Соблюдая обет свой, …я *помазал* …брата моего Читрангаду на обширное царство (Кауравов). Когда же он нашел свою кончину, я, считаясь с мнением Сатьявати, *помазал* в цари Вичитравирью, согласно установленным обрядам» (Мбх V, 170, *5–6*) (курсив наш – А. И.).

После убийства самраджи Джарасандхи царство наследовал его сын (см. главу 14): «Тогда Кришна, дав ему, угнетённому страхом, заверение в безопасности, тут же помазал на царство сына Джарасандхи» (Мбх II, 22, *41*). Через много лет Кришна упомянет процедуру помазания, соблазняя Карну троном империи: «Пусть сегодня тебя, восседающего на тигровой шкуре, помажут на царство дваждырожденные… и домашний жрец Пандавов» (Мбх V, 138, *16*) (см. главу 35). Забегая ещё дальше вперёд, отметим, что и Юдхиштхира после устранения соперника (Дурьйодханы) будет помазан в императоры в наследственной столице Кауравов Хастинапуре (Мбх XII, 41). Более того, есть указание, что Юдхиштхира был помазан и гораздо раньше: после Раджасуи Юдхиштхиры над ним «…Дхаумья и великий Вьяса с Нарадой и отшельником Аситой Девалой совершили обряд помазания» (Мбх II, 49, *10*). В результате, когда Пандавы на тринадцатый год изгнания инкогнито прибудут в царство матсьев, царь Вирата, впервые увидев Юдхиштхиру, сделает следующее наблюдение: «…Знаки на его теле указывают на то, что над его головой был совершен обряд окропления» (Мбх IV, 6, *6*). Через много лет, в самом конце эпопеи и земной жизни Пандавов Юдхиштхира таким же образом осуществляет ритуал посвящения на царство своего внучатого племянника (внука Арджуны) царевича Парикшита (Мбх XVII, 1, *7*).

Итак, помазание является обязательной процедурой интронизации, и воцарение Дхритараштры без этого обряда оставляет вопросы о его легитимности; об этом позже с досадой выскажется его первенец и наследник царевич Дурьйодхана. Тем не менее, видя отца на троне, его амбициозный старший сын и любимец окажется обуреваем идеей сместить Юдхиштхиру с позиции наследника. Положение Юдхиштхиры усугубится тем, что слепой царь в семейной иерархии заменит осиротевшим Пандавам отца.

2. Предвещания

«В приёмах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко»
Николай Гоголь «Мёртвые души»

О подрастающих Дхритараштре и Панду вновь позаботился опытный в сватовстве Бхишма, добыв старшему принцу благочестивую царевну Гандхари, которой было предвещано родить сотню сыновей, а младшему – царевен праведную Кунти и прекрасную Мадри. Каждая из трех невест вошла в царский род не без «багажа», повлиявшего на судьбы династии. Вместе с Гандхари прибыл её брат Шакуни, умелый интриган и непревзойдённый игрок в кости: его граничащее с магией искусство шулера поможет Дурьйдхане в ходе ритуальной игры лишить Юдхиштхиру царства. Кунти в тайной добрачной связи с богом солнца Сурьей родила Карну – будущего ненавистника Пандавов, вдохновителя интриг против них, и первого витязя Кауравов. Брат царевны Мадри царь Шалья сыграет в битве кузенов важную роль, которую мы подробно рассмотрим в своё время. Кроме того, царевны облагородили династию дополнительной порцией «небесной» крови: «…Те две богини, которые были Сиддхи и Дхрити» (небесные супруги Дхармы и Шивы, соответственно – А. И), «родились (на земле) матерями пятерых (Пандавов) – как Кунти и Мадри» (Мбх I, 61, *98*).

Теперь поясним некоторые подробности и укажем на последствия добрачной биографии старшей жены Панду – царевны Кунти. Живя в доме приёмного отца, царя Кунтибходжи, юная царевна получила от отшельника Дурвасаса (частичного воплощения самого Шивы) волшебный дар: мантру, то есть заклинание, с помощью которого она могла вызвать любого бога для соития [точнее, для зачатия, ведь «бесплоден с богом союз не бывает» («Одиссея», 11, 249–250)]. Чтобы испытать мантру, Кунти вызвала бога солнца Сурью, и на свет появился прекрасный младенец, будущий непобедимый витязь Карна. В соответствии с даром Сурьи Карна родился в золотом панцире и с приросшими к ушам серьгами. Золотая экипировка магически обеспечила герою неуязвимость, а Кунти сохранила девственность. Во избежание позора для юной царевны, младенец был рождён тайно, в лучших фольклорных традициях пущен по водам в корзине, найден и усыновлён сутой, то есть возничим. В результате Карна был лишен принадлежности к варне кшатрия, к которой принадлежал по праву рождения. Более того, как однажды объяснит ему Кришна, будучи признан матерью, Карна мог считаться царевичем и сыном Панду, притом старшим, претендуя таким образом на престол. Это не измышление хитроумного Кришны, но положение, закреплённое в древнеиндийских нормах: «Сына, которого девушка тайно рождает в доме своего отца, следует считать «сыном незамужней девушки»; [такое] потомство девушки [принадлежит] её [будущему] мужу» («Законы Ману» IX, 172). Всего этого бедный подкидыш был лишён и стал яростным завистником и непримиримым врагом своих единоутробных братьев Пандавов.

Брачная жизнь Панду протекала с приключениями. После военных побед царственный богатырь с двумя молодыми жёнами удалился в лес, где случайно подстрелил брахмана (зачем-то принявшего облик антилопы) и был им проклят: царю было предвещано умереть при соитии с женой. Панду был обеспокоен невозможностью зачать сына, но Кунти своей мантрой вывела супруга из затруднения, а заодно и помогла младшей жене: ««…Для бездетного не существует миров (на небе). Поэтому ты роди для меня сыновей», – так он сказал Кунти. И тогда она родила сыновей: Юдхиштхиру – от Дхармы, Бхимасену – от Маруты» (бог ветра Ваю – А. И.), «Арджуну – от Шакры» (Индра – А. И.). «…От Мадри были произведены обоими Ашвинами Накула и Сахадева» (Мбх I, 90, *67–69, 72*). Разумеется, нас прежде всего интересует появление первенца царской четы – Юдхиштхиры.

Качества будущего наследника царства программируются в запросе царя Панду, *ad nauseam* повторяющего супруге наставления в выборе божества для обретения потомства: «Сегодня же, о прекраснобёдрая, постарайся надлежащим образом и вызови Дхарму, …ибо он *справедливейший* среди богов. Дхарма никогда *не наделит нас беззаконием*, и мир сей… будет считать, что (сын наш) это (воплощение) *справедливости*. Несомненно, что и сам он будет *справедлив* к Кауравам. И у него, дарованного Дхармой, сердце *не будет радоваться беззаконию*» (Мбх I, 113, *39–41*) (курсив наш – А. И.). Усердные упоминания законности и справедливости намекают аудитории, что царевич-носитель этих качеств, во-первых, предназначен для управления царством (это дополнительно подтверждается словами о справедливости к Кауравам), во-вторых, будет *праведным* царём, то есть будет достоин возглавить группу протагонистов сказания. Действительно, об этом при рождении старшего сына Панду свидетельствует посланник неба: «…Кунти вызвала вечного Дхарму ради зачатия (потомства). Царица та поспешно совершила жертвоприношение Дхарме и прошептала, согласно правилам, заклинание, данное ранее Дурвасасом. И, сочетавшись с Дхармой, …прекраснобёдрая получила сына, лучшего среди всех существ. В …благоприятный и наиболее чтимый лунный день… Кунти родила в срок сына, одарённого великой славой. И как только родился этот сын, невидимый голос сказал: «Этот перворождённый сын Панду, несомненно, будет лучшим из блюстителей закона, по имени Юдхиштхира. Он будет известным царём, прославленным в трёх мирах, обладающим величием, могуществом и добродетелями»» (Мбх I, 114, *1–7*). (Отметим *en passant,* что посланник неба дал значащее имя новорождённому – «стойкий в битве». Вполне подходящее имя для претендента на трон, которому за указанный трон предстоит сражаться; правда, звучит оно, скорее, как взрослое имя, которое герой обычно обретает по совершении первого подвига). Вот и всё – крайне скромное предвещание доли «известного царя, прославленного в трёх мирах»! Сравним с рождением Арджуны, третьего сына Кунти, сопровождавшегося пространным перечнем-предсказанием всех его подвигов (Мбх I, 114, *28–35*); кроме того, появление Арджуны на свет почтили присутствием несметные сонмы богов и прочих потусторонних существ (Мбх I, 114, *36–62*). «Увидев это великое чудо, лучшие из отшельников изумились и проявили тогда великое почтение к Пандавам» (Мбх I, 114, *63*). Примечательно, что «великое почтение к Пандавам» было индуцировано небесными знамениями при рождении среднего брата, а не старшего – будущего главы клана и правителя державы Кауравов.

Забегая вперед, отметим ещё одно обстоятельство жизнеописания Юдхиштхиры. В отличие от Арджуны, чьему *воспитанию и взрослению, протяжённому во времени* , сказание будет уделять сугубое внимание (см. А. Р. Ибрагимов «Герой Махабхараты Арджуна. Образцовый витязь индийского эпоса». М. 2024), старший Пандава, с юных лет превозносимый за мудрость и приверженность дхарме, кажется, выступит сразу в сущем виде. Возможно, это прерогатива будущего праведного царя, а не витязя *par excellence*? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к образу далёкого предка Пандавов и Кауравов, царевича Бхараты.

Оказывается, для сына Шакунталы, которому, как и Юдхиштхире, суждено стать могущественным монархом, сказание, не скупясь, представляет полный набор эпических мотивов рождения и взросления героя, начиная с пророчеств и включая сюжеты героического детства (последнее в жизнеописании Юдхиштхиры полностью опущено). Для начала Шакунтала получает предсказание подвижника: «У тебя (родится) сын, который будет великодушным и могущественным в мире и будет владеть всей этой землёю до самых границ океана. И войско того славного царя-самодержца, когда он пойдёт на врага, будет всегда непобедимо» (Мбх I, 67, *28–29*). Далее щедро представлены эпические мотивы, характеризующие фольклорного богатыря: «…Прекраснобёдрая родила сына, наделённого неизмеримой силой. И когда сыну Духшанты исполнилось три года, он обладал блеском, подобным пылающему огню, и был одарён красотою, благородством и другими достоинствами…» (Мбх I, 68, *1–2*). Младенец не только проявляет богатырские задатки, но *за подвиги* смолоду (!) получает «героическое» имя: «…Прелест-

ный тот мальчик, отличавшийся большой силой, стал быстро расти, подобно отпрыску богов. Еще шестилетним мальчиком, могучий, он привязывал к деревьям… тигров, львов и вепрей, слонов и буйволов. Он гонял их, то сидя верхом, то укрощая, то играя с ними. Тогда… нарекли ему имя: «Пусть он зовется Сарвадаманой, ибо он укрощает всех». И тот мальчик получил имя Сарвадамана, так как он был одарён отвагой, доблестью и силой» (Мбх I, 68, *4–8*). Затем юный герой получает взрослое имя «Бхарата», то есть «воспитанный»: на этот раз подчеркивается его обучение наукам и мудрость. Царское происхождение Бхараты засвидетельствовал голос посланника богов, и юный герой был помазан на царство, став великим правителем: «И покатилось славное колесо того великодушного (Бхараты), блистательное и дивное, непобедимое и великое, наполняющее звуками весь мир. Победив (всех) царей, он подчинил их своей власти. Он следовал закону добрых и достиг высшей славы» (Мбх I, 69, *45–46*). Итак, Бхарата сочетает черты победоносного воителя, «победившего царей», и мудрого и праведного правителя («следовал закону добрых»), именно в этом качестве достигшего «высшей славы». Как видим, грядущая – и предопределённая – царственность Бхараты не стала препятствием для подробного изложения его сугубо героических качеств. В других традициях богатырство монарха может быть показано еще более выпукло: герой дестана Дараб, будущий великий монарх Ирана (исторический прототип – Дарий I Великий Ахеменидской державы) украшен всеми возможными чертами героического детства от сверхъестественно быстрого роста до побед над целым войском (Абу Тахер Тарсуси «Дараб-Наме, или книга о Дарабе» М. 1999). А ирландская сага не жалеет деталей, живописуя прекрасною внешность и подвиги в детских забавах приемного сына королевской четы Майль-Дуйна: «Прекрасен стал он обликом: вряд ли можно было найти другое существо из человеческой плоти столь же прекрасное…Велики были блеск его в военных упражнениях, доблесть духа, ловкость в играх. Во всех состязаниях превосходил он своих сверстников – и в бросании меча, и в беге, и в прыжках, и в метании камней, и в скачке на коне. Из всех их выходил он победителем» («Плавание Майль-Дуйна». Исландские саги. Ирландский эпос. М. 1973). И ближайший предшественник нашего героя, царственный Бхишма, в своё время помазанный в качестве наследника, но отказавшийся от царства, ещё мальчиком совершил «сверхчеловеческое действие»: «удерживал стрелами всё течение Ганги» (Мбх I, 94, *24*).

Основываясь на этих примерах, позволительно предположить, что нарочито бедный набор сугубо героических черт и соответствующих мотивов (кое-что будет представлено в дальнейшем) Юдхиштхиры не является случайным упущением сказителя, но предвещает особую нишу царя-мудреца, *вынужденного* сражаться за своё царство, но склонного к образу жизни и мыслей скорее брахмана, чем кшатрия.

3. Первородство

«…Иаков сказал: продай мне теперь же своё первородство. Исав сказал: …что мне в этом первородстве? Иаков сказал: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал первородство своё Иакову»
Быт. 25:31–33

Важнейшим обстоятельством жизни Юдхиштхиры, определившим его судьбу, были его притязания на престол державы Кауравов, поэтому вопрос первородства необходимо разобрать с должным вниманием и в подобающих важности вопроса подробностях.

Начало соревнования цариц за первенство в деторождении (совершенно осознанного, как мы скоро убедимся) обещало бесспорное преимущество потомства Дхритараштры: «Между тем, как у *Гандхари зародыш находился уже целый год*, …Кунти вызвала вечного Дхарму ради зачатия (потомства)» (Мбх I, 114, *1*) (курсив наш – А. И.). Очевидно, при нормальном развитии событий первенец Гандхари должен был появиться на свет раньше первенца Кунти. Но в рождении Кауравов – детей Гадхари и Дхритараштры – не было ничего нормального.

Гандхари получила от Вьясы дар «иметь сотню сыновей, подобных своему супругу. Через некоторое время она зачала от Дхритараштры. Два года бездетная Гандхари носила в себе зародыш, но, наконец, она прониклась горем. *Услышав, что у Кунти родился сын*, равный по величию восходящему солнцу, она, ощупав твердость своего живота, стала размышлять. Затем без ведома Дхритараштры Гандхари, измученная скорбью, с великим усилием распорола себе живот. Тогда вышел оттуда твёрдый ком мяса, подобный железному шару, два года носимый в утробе. Двайпаяна же» (Вьяса – А. И.), «узнав, что она собралась выбросить (плод), поспешно явился к ней. …И она правдиво рассказала высочайшему мудрецу о своем намерении: «*Услышав о рождении у Кунти старшего сына*, блеском подобного солнцу, *я в великой печали распорола свой живот*. Тобою ведь прежде был дарован мне (дар родить) сотню сыновей, у меня же родился комок мяса вместо сотни сыновей»» (Мбх I, 107, *8–16*) (курсив наш – А. И.). Отмеченные курсивом слова автора и царицы свидетельствуют, что Юдхиштхира появился на свет раньше детей Гандхари, что она об этом осведомлена (хотя Кунти с мужем обитает в дремучем лесу), но не может отказаться от гонки деторождения. Об истерическом состоянии царицы, проигрывающей состязание первородства своих отпрысков, свидетельствует непозволительно резкий тон её обращения к божественному мудрецу-свёкру: Гандхари, по сути, обвиняет почтенного риши во лжи.

По инструкции Вьясы ком был разделён на сто частей, помещённых для донашивания в сто сосудов с топленым маслом. «И великий Вьяса сказал тогда дочери Субалы: «Через такое же время, (сколько зародыш находился во чреве), эти сосуды должны быть снова открыты»» (Мбх I, 107, *22*). Поэт подводит итог: «И вот таким образом из тех (зародышей) родился царевич Дурьйодхана. *По времени рождения царевич Юдхиштхира был старше его.* Тогда Дхритараштра, как только родился его сын, созвал многочисленных брахманов, Бхишму и Видуру и сказал так: «Юдхиштхира, *старший царевич*, продолжатель нашего рода, получил царство благодаря своим добродетелям. У нас нет возражений против этого. Но этот (мой сын), родившись непосредственно после него, должен ли также быть царем? Скажите мне, что будет в этом случае правильным и несомненным». По окончании этой речи… шакалы и другие страшные хищники подняли зловещий вой со всех сторон. Услышав отовсюду эти зловещие приметы, …брахманы и премудрый Видура сказали: «Очевидно, этот твой сын будет истребителем рода. Спокойствие может наступить лишь при его удалении; если же ты его вырастишь, случится великое бедствие. Да останется у тебя, о владыка земли, без одного сто сыно-

вей. (Удалением) одного создай благополучие мира и своего рода…». Услышав сказанное так Видурой и всеми наилучшими из дваждырождённых, тот царь, исполненный любви к своему сыну, однако, не сделал так» (Мбх I, 107, *24–33*) (курсив наш – А. И.). Так, несмотря на признание старым царем старшинства Юдхиштхиры, вполне очевидного [Дурьйодхана – ровесник второго сына Кунти: «В тот же самый день, когда родился Бхима, …родился также и Дурьйодхана…» (Мбх I, 114, *14*)], закладываются основы будущего династического конфликта. Кроме того, можно видеть, что Дхритараштра готов порадеть своему сыну вопреки закону и мрачным пророчествам мудрецов. В большинстве сказаний грозные предвещания принимаются родителями во внимание: и от Париса, и от Кира, и от Эдипа семья пытается избавиться. Но существует и альтернативный подход, как мы видим из поведения Дхритараштры и как свидетельствует англосаксонская традиция:

«Ведь и постылого
отец не в силах
сына подвергнуть
позорной казни!»

(«Беовульф» 2465–66).

Нет сомнения, что чудесное рождение Пандавов, как и чудесное рождение Кауравов происходят по воле неба, то есть не *ad hoc*, но в соответствии с божественным планом. Следовательно, и первородство Юдхиштхиры это часть небесного сценария: оно запустит цепь роковых для династии и державы событий [ср. «Гера из ревности уговорила богиню Эйлитию задержать роды у Алкмены», чтобы старшим из Персеидов и царем Микен стал не Геракл, а его двоюродный дядя Еврисфей (Аполлодор «Мифологическаая библиотека» II, IV, 5); известно, к чему это привело].

Тем временем в лесу счастливый отец пяти полубожественных сыновей однажды не устоял против чар прекрасной Мадри и умер во исполнение проклятия брахмана. На погребальный костёр Панду взошла виновница его смерти, а старшая вдова Кунти с пятью царевичами вернулась в столицу. Само небо подтверждает происхождение явившихся из леса никому не известных мальчиков и, следовательно, право их старшего брата на престол; это обстоятельство настолько важно, что сказание обращается к нему дважды, каждый раз сообщая новые детали. В кратком введении к эпосу аудитория узнаёт, что, когда юные Пандавы пришли в столицу, «раздался громкий глас невидимых существ, потрясший все страны света. Полился ливень цветов, издающих приятный запах. Раздались звуки раковин и барабанов. Такое произошло чудо при вступлении Партхов» (матроним Пандавов по имени Кунти – Притха – А. И.)» «(в город)» (Мбх I, 1, *76–77*). Позже при более подробном изложении сюжета дополнительно выясняется, что божественные мудрецы и прочие потусторонние существа наряду с отшельниками сопроводили Кунти с сыновьями к царю и представили их горожанам и старейшинам [*e. g.*, «Чудесным образом у него» (Панду – А. И.) «родился от самого Дхармы этот сын Юдхиштхира» (Мбх I, 117, *21*)], а затем «в мгновенье исчезли на глазах Кауравов. Увидев толпу риши и сиддхов, исчезнувшую как мираж, те (горожане) пришли в великое изумление» (Мбх I, 117, *33*). Итак, при первом же *возможном* вопросе о происхождении старшего царевича и, следовательно, о престолонаследии, насельники неба подтвердили права Юдхиштхиры самым эффектным и деятельным образом. Все эти свидетельства и небесные явления должны были обеспечить положение сирот и династические права старшего из них, если бы не неумеренная любовь слепого царя к своему первенцу.

4. Непримечательное отрочество

«…Каждое сказание покажет, что не у всех людей одна природа. Про некоторых сказывается о великой мудрости, про некоторых – о силе, храбрости или какого-либо рода способности или удаче…»
«Сага о Тидреке Бернском»

Сказание мало обращает внимания на юного Юдхиштхиру: всё, что аудитория может о нём узнать, относится ко всем принцам вкупе, отданным в обучение наставникам. «…Стали изучать у него» (Крипы – А. И.). «военную науку все те великие колесничные воины, сыновья Дхритараштры и могучие Пандавы…» (Мбх I, 120, *21*). «Дрона… обучил тогда сыновей Панду владеть различными видами оружия – божественными и человеческими» (Мбх I, 122, *45*). Даже когда Дурьйодхана начинает замышлять козни против Пандавов, Юдхиштхира (его соперник в притязаниях на престол) отодвинут в этих затеях на второй план: «Этот Врикодара» (Бхимасена – А. И.), «…лучший из могучих, средний из сыновей Панду, должен быть уничтожен посредством обмана. Затем, насильно заключив в тюрьму младшего из них (Арджуну) и старшего Юдхиштхиру, я буду править землёю» (Мбх I, 119, *25–26*). Дело в том, что Юдхиштхира до поры никаких талантов и особых способностей не проявляет.

Всё же сказание не забывает о старшинстве Юдхиштхиры, так что ему предназначено открывать выпускные состязания принцев: «Те доблестные царевичи, *возглавляемые* Юдхиштхирой, *в порядке старшинства* стали показывать удивительную ловкость во владении оружием» (Мбх I, 124, *22*) (курсив наш – А. И.). При этом обе царицы соревнуют своим сыновьям: «…Счастливейшая Гандхари и Кунти… в прекрасных нарядах, в сопровождении свиты весело взошли на террасы…» (Мбх I, 124, *14*).

Участие старшего Пандавы в воинских упражнениях юных принцев, с одной стороны, отмечено сказанием, с другой – не является центральным событием этих упражнений: в центре внимания поэта оказываются выступления и соперничество Арджуны и Карны, будущих главных витязей войска Пандавов и Кауравов, соответственно. Незадолго до этого события сказание отмечает военную специализацию принцев и солидные достижения Юдхиштхиры, которые всё же меркнут по сравнению с искусством его младшего брата: «…Два ученика Дроны, Дурьйодхана и Бхима, предавались особенно упражнениям на палицах. …Оба близнеца превзошли других мужей умением владеть мечом. *Юдхиштхира же был наилучшим из бойцов на колеснице*, но во всех отношениях отличался Дхананджая» (Мбх I, 123, *40–41*) (курсив наш – А. И.). Таким образом сказание готовит для будущего Царя справедливости особую нишу: он наряду со своими братьями несомненно относится к разряду эпических героев, то есть ему предстоит стать правителем-витязем, но отнюдь не выделяющимся по воинской доблести на фоне своих действительно выдающихся богатырей-братьев. Такую нишу позволительно счесть уникальной, так как правитель (в том числе будущий) в героическом эпосе, коль скоро подвизается в роли витязя, проявляет выдающиеся качества бойца, будь то Гильгамеш, Агамемнон, Беовульф, Зигфрид, Гоштасп, Карл, Тидрек или Эней. При этом юный Пандава, несмотря на скромное поведение, очевидно, строит планы по обретению царства и с беспокойством размышляет о грядущем противостоянии с Кауравами и их самом опасном бойце: «У Юдхиштхиры же явилась тогда мысль, что нет на земле держателя лука, равного Карне» (Мбх I, 127, *24*).

Теперь можно кратко подытожить основные этапы созревания и развития династического конфликта, вовлекшего юных царевичей Юдхиштхиру и Дурьйодхану.

– «Дхритараштра из-за своей слепоты не вступил во владение царством… Царём сделался Панду» (Мбх I, 102, *23*).

– Ещё при жизни Панду Дхритараштра объявляет младенца Юдхиштхиру наследником трона: «Юдхиштхира, старший царевич, продолжатель нашего рода, получил царство благодаря своим добродетелям. У нас нет возражений против этого» (Мбх I, 107, *26*).

– Панду удаляется в лес, *избавляется от царских регалий* и оповещает столицу о своём отшельничестве: «…Царь Панду… отдал все головные и шейные драгоценности и украшения, браслеты и серьги, дорогие одежды …брахманам и… обратился к ним: «Когда вернётесь в Хастинапур, вы должны оповестить, что Панду, …оставив все имущество, желания, покой и высокие душевные удовольствия, удалился …в лес!» (Мбх I, 110, *36–38*).

– Сразу по смерти Панду сказание титулует Дхритараштру царём: «…Кшаттри» (Видура – А. И.), «царь (Дхритараштра) и Бхишма вместе с родственниками устроили поминки по Панду…» (Мбх I, 119, *1*).

– Напомним, что, как только Дхритараштра утвердился на троне, у его первенца Дурьйодханы от зависти к Пандавам «и жадности к господству зародилось преступное намерение: «…Врикодара, …средний из сыновей Панду, должен быть уничтожен посредством обмана. Затем, насильно заключив в тюрьму младшего из них (Арджуну) и старшего Юдхиштхиру, я буду править землёю»» (Мбх I, 119, *25–27*).

Часть II
Будущий раджа (Книга 1)

«Он был так мудр, что знал наперёд некоторое, чего ещё не произошло…»
«Сага о Тидреке Бернском»

В этом разделе будут рассмотрены первые испытания, выпавшие на долю Пандавов из-за интриг их соперников. Особое внимание обратим на проявление выдающихся аналитических способностей, предусмотрительности и организаторских качеств юного Юдхиштхиты в условиях гонений и угрозы для жизни Пандавов. Помимо указанных способностей, сказание отмечает первые попытки будущего дхармараджи занять положение лидера своей семейной группы.

5. Государственный переворот

«…Всякое государство состоит из многих противоречивых частей, кои своим несогласием и борьбой наносят ему вред и ведут к его упадку или разорению»
Юрий Крижанич «Политика»

Если в воинских упражнениях Юдхиштхира не выделяется среди доблестных царевичей, то в условиях политического кризиса юному Пандаве сказание предоставит возможность проявить необычайную проницательность и выдающиеся лидерские качества, достойные будущего мудрого царя. Более того, нам предстоит убедиться, что в имеющем произойти дворцовом заговоре окажется впервые показана персональная (хотя и заочная) борьба двух царевичей-претендентов на престол Кауравов: изобретательным и тщательно подготовленным интригам Дурьйодханы Юдхиштхира противопоставит проницательность, находчивость и осторожность. Этот важный для образа Царя справедливости сюжет мы рассмотрим в подобающих подробностях.

Вопрос первородства и наследования царства с взрослением царевичей обострился. «… Горожане, увидев сыновей Панду, одарённых достоинствами, стали говорить так, встречаясь на перекрёстках и в собраниях: «Владыка людей Дхритараштра, хотя и обладает глазом знания, но вследствие своей слепоты ещё прежде не получил царства. Как же он (теперь) может быть царём? Также и Бхишма, сын Шантану, верный данному слову и непреклонный в обете, который ещё раньше отказался от царства, никогда не примет его. Мы сегодня *помажем на царство, по установленным правилам*, старшего Пандаву, *юного, но с нравом взрослого, справедливого* и чуткого к несчастным. Ибо этот *знаток закона*, почитая Бхишму… и Дхритараштру вместе с его сыновьями, доставит им различные наслаждения»» (Мбх I, 129, *4–8*) (курсив наш – А. И.).

Высказывания горожан о достоинствах претендента на престол, а также намерение помазать их избранника на царство это не бесплодные «кухонные» пересуды: оказывается, в пространстве эпоса подданные имеют право голоса в утверждении кандидатуры будущего царя и даже могут сами выбирать его. Так был отвергнут сословиями праведный принц Девапи, *старший* сын и фаворит прапрадеда Кауравов и Пандавов царя Пратипы, и утверждён в качестве наследника *младший* из принцев – Шантану (Девапи был забаллотирован по солидной причине: он страдал проказой, но для нас важно, что при назначении наследника подданные могли противостать пристрастному сынолюбивому монарху). Более отдалённый предок Пандавов и Кауравов царь Яяти также столкнулся с вмешательством подданных, когда попытался назначить наследником своего любимца: ««О Пуру, я доволен тобой! …Возьми от меня это царство… ибо ты – сын мой, оказавший мне услугу». …Но касты во главе с брахманами сказали такое слово царю, решившему помазать на царство своего младшего сына Пуру: «Каким образом ты, о владыка, обойдя Яду, внука Шукры и старшего сына Деваяни, передашь царство Пуру? Яду – твой старший сын, после него родился Турвасу. Сыновья же Шармиштхи это: Друхью, затем Ану и, наконец, Пуру. Как же, когда обойдены старшие, может младший получить царство? Мы обращаем на это твоё внимание – ты соблюдай закон»» (Мбх I, 80, *10, 12–15*). Яяти объясняет, что выбрал наследником престола самого почтительного из пяти сыновей и, представив этот довод, смиренно обращается к подданным: «Поэтому я *прошу вас*: да будет помазан на царство Пуру» (Мбх I, 80, *21*) (курсив наш – А. И.). (Становится понятно, что неспроста по приходе в столицу Пандавы были представлены, помимо царя, «горожанам и старейшинам»). В некоторых случаях сказание прямо говорит об избрании царя сословиями: «…Дочь Солнца Тапати родила от Самвараны (сына) Куру. Его все подданные избрали на царство, считая его (самым) справедливым» (Мбх I, 89, *42*).

Рассмотрим ещё один случай, когда подданные подают голос. «Был у Сагары сын, прозванный Асаманджас, …и он, хватая за пятки слабых, плачущих детей горожан, сбрасывал их в реку; …удручённые страхом и скорбью, …горожане …взмолились, представ перед Сагарой..: «Великий царь, …благоволи же избавить нас …от лютого страха перед Асаманджасом!» Услышав те ужасные слова горожан, достойнейший из царей на некоторое время *утратил способность к ощущениям* и промолвил своим советникам: «Да будет сегодня же сын мой, Асаманджас, изгнан из города!»» (Мбх III, 106, *10–14*) (курсив наш – А. И.). Царь, как отмечает сказание, потрясён перспективой расстаться с сыном – то есть для царя это непростое решение, – но *вынужден* прислушаться к требованию подданных устранить царевича-садиста.

Даже для признания юнца законным сыном и, следовательно, наследником престола, требуется утверждение подданных: «Услышав сказанное небожителями, царь, потомок Пуру, возрадовался и сказал так домашнему жрецу и советникам: «Слушайте, сказанное сим вестником богов, я и сам знаю, что это именно мой сын. Если бы я взял своего сына только со слов (Шакунталы), то *у народа было бы подозрение, и он, таким образом, не считался бы подлинным*»» (Мбх I, 69, *34–36*) (курсив наш – А. И.). В некоторых обстоятельствах голос народа может быть решающим: «Когда царь» (внук Арджуны Парикшит – А. И.) «был убит силою Такшаки» (ядовитый змей – А. И.), «домашний жрец его, святой брахман, а также советники царя совершили погребальные обряды, (провожая его) в другой мир. Потом все жители города, собравшись вместе, сделали юного сына его своим царём» (Мбх I, 40, *5–6*). Наконец, сказание со слов Вьясы приводит пример и ещё более решительного вмешательства народа в процесс престолонаследия: «…Доблестный Кханинетра безраздельно завладел всем царством, однако не смог уберечь его. Подданные невзлюбили этого царя. Изгнав его из страны, они посвятили на царство его сына, Суварчаса…» (Мбх XIV, 4, *8–9*). Вообще по материалам сказания участие сословий в управлении царством не ограничивается вопросами престолонаследия, но на данном этапе рассказа мы намеренно опускаем определённые нюансы, которые предполагаем раскрыть в свое время.

Позже обретение власти Юдхиштхирой с братьями при разделе царства (см. главу 12) также будет предполагать утверждение подданными, судя по обращённым к Дхритараштре словам наставника принцев брахмана-воина Дроны: «…Пусть доставят сюда Пандавов. Затем они, о лучший из царей, всегда чтимые тобою, пусть *с одобрения народа будут возведены на трон отцов*» (Мбх I, 196, *10–11*) (курсив наш – А. И.).

Заметим, что, хотя в одном из приведённых примеров подданные голосовали за младшего принца в обход старшего, а в другом – возмущались выбором младшего принца в обход старшего, у них в каждом случае были разумные и убедительные доводы. Таким образом, это не охлократия, то есть не произвол обретшей власть толпы; напротив, в этих случаях представители сословий пытаются ограничить произвол монарха. Следовательно, у Дхритараштры и Дурьйодханы, лелеющих планы *незаконного* отстранения Юдхиштхиры от наследования престола, есть солидный повод для беспокойства: юный Пандава популярен у населения.

Положение можно дополнительно прояснить, рассмотрев речи Дурьйодханы, обращённые к отцу: «Ты… из-за отсутствия достоинств не получил царства, хотя оно и досталось (тебе)» (Мбх I, 129, *14*). Странная на первый взгляд фраза «не получил царства, хотя оно и досталось тебе», видимо, означает, что Дхритараштра не был поставлен на царство *de jure*, но оказался у кормила власти силой обстоятельств, то есть *de facto*. Следующая реплика царевича укрепляет нас в этом предположении: «Если бы ты, о царь, прежде стоял в царстве» (то есть был помазан – А. И.), «то мы несомненно получили бы царство, даже против воли народа» (Мбх I, 129, *18*). Здесь имеем очередное подтверждение значения *vox populi*. Далее, если Дхритараштра получил власть по причине малолетства Юдхиштхиры, то его сыновья (все моложе Юдхиштхиры!) никаких законных прав на власть не имеют. Об этом чуть позже скажет риши Вьяса: «Я ранее предвидел своею мыслью, о быки из рода Бхараты, что вы будете отправлены в

изгнание сыновьями Дхритараштры, *незаконно стоящими (у власти)*» (Мбх I, 144, *7*) (курсив наш – А. И.).

Обеспокоенный планами подданных, Дурьйодхана обращается к старому царю, рисуя тревожную и впоследствии оправдавшуюся перспективу: «Если этот Пандава получит (царство) как наследство от Панду, то, несомненно, после него получит (царство) его сын, затем сын последнего, а потом и сыновья каждого из последующих. Тогда мы вместе со своими сыновьями будем исключены из царского рода, и народ будет пренебрегать нами, о владыка земли!» (Мбх I, 129, *15–16*). Бойкий интриган не ограничивается сетованиями, но предлагает отцу план действий: «Ты должен под благовидным предлогом немедленно выслать Пандавов в город Варанавату. Когда же царство будет подвластно мне, о царь, тогда Кунти вместе с сыновьями вновь возвратится сюда, о Бхарата!» (Мбх I, 130, *10–11*). В действительности план царевича простирается дальше; он постарается, чтобы Пандавы никогда не вернулись.

Заручившись согласием старого царя, «коварный Дурьйодхана пришёл в величайшую радость» и уже без ведома отца даёт подручному следующие указания: «Сделай так, чтобы ты мог отправиться в Варанавату сегодня же на быстроходной повозке, запряжённой ослами. Приехав туда, вели построить… дом с четырьмя залами, богато обставленный и надёжно охраняемый. Вели (при постройке его) применить такие легко воспламеняющиеся материалы, как конопля, смола, масло и прочие. Замешав глину с топлёным и растительным маслом и большим количеством смолы, ты вели покрыть этой смесью стены (дома). И затем всюду в том доме положи всё: и коноплю, и тростник, и топленое масло, и дерево, и различные приспособления, причем таким образом, чтобы Пандавы… не подумали о нём, что он может легко воспламениться. Когда такой дом будет построен, ты, оказав Пандавам высокие почести, должен вселить их туда вместе с Кунти и её друзьями. …И когда ты узнаешь, что они беспечно спят, не боясь ничего, ты должен тогда поджечь тот дом от самых дверей. Когда они сгорят так, народ или же родственники будут всегда говорить по поводу Пандавов: «Они сгорели в своем доме!»» (Мбх I, 132, *7–17*). Отметим мимоходом, что даже в части, изложенной старому царю, план Дурьйодханы был неплох: долгое отсутствие Пандавов (тем более слухи об их гибели) действительно позволят Дхритараштре утвердиться на троне, а Дурьйодхане – в положении кронпринца, а затем и соправителя.

Сказание исподволь готовит аудиторию к мысли о проницательности и недюжинном самоконтроле Юдхиштхиры: «Узнав это желание Дхритараштры, а также о том, что у него не будет спутников, Юдхиштхира сказал ему в ответ: «Хорошо!». Тогда, обратившись к премудрому Бхишме и к многоумному Видуре, к Дроне и Бахлике и к Каураве Сомадатте» (два последних – престарелые родичи, дядя и двоюродный брат Бхишмы, соответственно – А. И.), «к Крипе и сыну учителя и к славной Гандхари, Юдхиштхира *тихо сказал им такое печальное слово*: «По велению Дхритараштры мы, о отец, должны вместе со своею свитой поселиться в прекрасном и многолюдном городе Варанавате»» (Мбх I, 131, *11–14*) (курсив наш – А. И.). Печаль Юдхиштхиры гворит о его понимании, что ему с братьями предстоит не увеселительная поездка, но изгнание. А его смирение не может ввести подданных в заблуждение, они ропщут на «явное беззаконие, что сыновей Кунти, быков из рода Бхараты, выселяют в неподходящее место» (Мбх I, 133, *9*). Более того, «весь народ также отправился с ними. И премудрый Видура, …и горожане, терзаемые скорбью, провожали того льва среди мужей» (Мбх I, 133, *5*). «…Все мы, покинув свои дома, уйдём из прекрасного города туда, куда идёт Юдхиштхира» (Мбх I, 133, *12*). «И тем горожанам, которые в печали говорили так, сказал Юдхиштхира, Царь справедливости, мучимый горем и полный высокой любви: «Что сказал царь, наш чтимый отец и лучший наставник, то и должно быть исполнено нами без колебаний, ибо это наш долг»» (Мбх I, 133, *13–14*) (отметим первое царское титулование героя).

В этой сцене сказание проясняет примечательные характеристики Юдхиштхиры-царя: популярность и поддержку среди подданных вплоть до их готовности следовать за Царем спра-

ведливости в изгнание, ответную заботу Юдхиштхиры о подданных и любовь к ним и, наконец, его искреннее почитание старого царя, которого Юдхиштхира именует отцом и наставником; нам предстоит убедиться, что подобные чувства к Дхритараштре разделяют не все Пандавы. Важно отметить, что Юдхиштхира не наивен и, несмотря на пиетет, он понимает, что старый царь интригует в пользу своего первенца; позже Пандава не раз резко выскажется о происках Дхритараштры. В этом проявляется важнейшая черта Царя справедливости – он смолоду скрупулёзно следует нормам родовой морали и принятым правилам приличия: старшего родича, пусть и двуличного, (формально) заменившего Пандавам отца, следует почитать как отца! Все эти особенности поведения Юдхиштхиры ещё не раз дадут о себе знать, в том числе, и в более драматических обстоятельствах.

6. Первое изгнание

«Наш путь земной лежит средь бед и нужд;
От них защита – мужество и разум.
Герой и мудрый зачастую сами
Своё благополучье создают»

Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим» X

Следующий эпизод выводит на первый план мудрость Юдхиштхиры, на этот раз во вполне фольклорных традициях – путём истолкования криптического совета мудреца. «… Видура, знаток всех законов, желая предостеречь наилучшего из Пандавов, сказал ему такое слово: «…Понимающий беседу поймёт мудрого. Узнав это, он должен поступить так, чтобы избежать беды. Кто знает острое, не железное оружие, рассекающее тело, – того, если он умеет отражать его, не убьют враги. «Уничтожающий лианы и уничтожающий росу в большом лесу из сухих деревьев, не должен сжечь обитающих в дуплах», – кто, рассуждая так, охраняет себя, тот остаётся живым… Человек… может избавиться от огня, обратившись к средству, каким пользуются дикобразы» (дикобразы роют норы – А. И.)» (Мбх I, 133, *18–22*). Даже мудрая Кунти не смогла истолковать намёков Видуры, и старший сын объяснил ей: «Видура сказал мне: «Необходимо остерегаться яда и огня»» (Мбх I, 133, *28*). Эпизод с Кунти имеет двоякое значение. Во-первых, её недоумение привлекает внимание аудитории к эпизоду-загадке и подчёркивает мудрость старшего сына. Во-вторых, обращаясь к сыну, царица впервые в сказании вводит его новое прозвище – Аджаташатру – «Тот, чей соперник ещё не родился». Это можно счесть наречением героя взрослым именем. На первый взгляд, взрослое имя несколько приукрашивает действительность: коварный и непримиримый соперник Юдхиштхиры это Дурьйодхана, который, хоть и не без приключений, всё же успел родиться и даже умышляет на жизнь нашего героя. Но именно в противодействии страшной интриге Юдхиштхира проявляет незаурядные качества, и в искусстве политики, как даёт понять сказание, *не имеет достойных соперников*. [Когда Юдхиштхира воцарится в Индрапрастхе, сказание вспомнит о прозвище и «подгонит» его истолкование к изменившимся обстоятельствам: «Проявляя благосклонность ко всем подданным, Юдхиштхира, лучший из всех знатоков закона, делал для всех добро без всяких различий. При таких обстоятельствах люди питали к нему доверие, словно к отцу, и не было у него ненавистника, – поэтому он стал прозываться Аджаташатру («Тот, чей враг ещё не родился»)» (Мбх II, 12, *7–8*)].

Отметим, что сам по себе возраст обретения взрослого имени не важен, это происходит в момент драматического переворота в жизни эпического героя, некоего события или предвещания, отмеченного старшими сородичами или посланцами неба. Так, «Аврам был девяноста девяти лет», когда Господь возвестил ему: «…Не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов…» (Быт 17:1, 5). А его внук Иаков приближался к почтенному возрасту ста двадцати (вскоре отец Иакова Исаак «приложился к народу своему» ста восьмидесяти лет от роду, а Иаков родился, когда отцу было шестьдесят), когда обрел «взрослое имя»: «И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт 32:28). С другой стороны, великий ирландский герой Сентанта всего лет пяти отроду одолел чудовищного пса кузнеца Куланна и получил взрослое имя Кухулин («Пёс Куланна»), под которым и прославился. Таким образом, обретение взрослого имени маркирует не календарно-возрастную веху, но судьбоносное событие в жизни героя сказания. Аудитория убедится, что происходящее с Юдхиштхирой

действительно является поворотным моментом в судьбе Пандавов и первым ярким свидетельством интеллектуальных способностей будущего Царя справедливости.

Предупреждение опытного царского советника – и по совместительству дяди Пандавов – Видуры не обязательно означает, что он вызнал планы Дурьйодханы; его соображения могут носить самый общий характер: он предостерегает и против огня, и против яда, не зная наверняка, какое именно средство будет (и будет ли?) применено. (Это немаловажная деталь, так как некоторая неопределённость предупреждения даёт больше возможности Юдхиштхире в дальнейшем проявить собственную проницательность). В «Науке политики» Каутильи разделы 166 и 167 наставления царям имеют говорящий подзаголовок: «О шпионах, действующих оружием, огнём и ядом» («Атрхашастра» XII, 4. М.-Л. 1959). Соответственно, и Юдхиштхира проявляет зрелое понимание *средств политической борьбы* и мер противодействия. Чуть позже сказание прямо укажет, что Пандавы изучали «святые Веды и веданги все и *науку политики*» (Мбх I, 144, *5*) (курсив наш – А. И.). Отметим также, что древнеиндийский политический канон рекомендует указанные средства к применению против враждебных государей: беспринципный и беспощадный соперник Юдхиштхиры относится к своим кузенам, как к внешнему врагу. В противоположность этому великодушный Царь справедливости в самый разгар распри озаботится спасением злокозненных родичей (см. главу 26).

При приближении Пандавов жители Варанаваты вышли из города для торжественной встречи героев и Кунти, и здесь сказание, возвеличивая Юдхиштхиру, вновь именует его Царём справедливости: «…Жители Варанаваты, приблизившись к сыновьям Кунти, произнесли хвалу «победа», и все, окружив их, остановились. И окружённый ими Царь справедливости Юдхиштхира, тигр среди мужей, сиял как божественный Ваджрапани» (Индра – А. И), «(окружённый) богами» (Мбх I, 134, *3–4*). Очевидно, сравнение Юдхиштхиры с царём богов неслучайно.

Через десять дней по прибытии Пандавов агент Дурьйодханы Пурочана переселяет их из временного жилища в роскошно обставленный смоляной дом. «И, осмотрев тот дом, Юдхиштхира, знающий весь закон, сказал Бхимасене: «Огнеопасен!»» (Мбх I, 134, *13*). Чуждый тонкостям политики Бхимасена реагирует на предупреждение прямолинейно: «Если ты считаешь, что дом этот огнеопасен, то в чём же дело, – пойдем туда, где мы жили раньше» (Мбх I, 134, *18*). Но Юдхиштхира вновь демонстрирует мудрость: «Мне кажется, что необходимо жить здесь, стараясь не возбуждать подозрений, словно мы обречённые, но обдумывая желанный и надёжный путь (для бегства) отсюда. Ведь если Пурочана угадает наши намерения, то он, быстро и решительно действуя, предаст нас сожжению» (Мбх I, 134, *19–20*). И немедленно предлагает план спасения: «Если… мы, опасаясь сожжения, убежим (отсюда), то алчный до царства Суйодхана убьёт всех нас посредством своих шпионов. …Поэтому, обманывая этого злодея и коварного Суйодхану, мы должны, скрываясь, жить где придётся. Искусные в охоте, мы будем странствовать на этой земле… Давайте сегодня же будем рыть подземный ход, который должен быть хорошо скрыт, и тогда нас, если мы будем содержать это в тайне, не сожжёт там огонь. И мы должны осторожно действовать, так чтобы ни Пурочана и ни один человек в городе не смог бы заподозрить нас (в этом), когда мы будем жить здесь» (Мбх I, 134, *23–28*). План Юдхиштхиры был блестяще приведён в исполнение при участии присланного Видурой землекопа: подземный ход вырыт и замаскирован, а в дом предложением милостыни заманена нищенка с пятью сыновьями. Гости уснули пьяными и были успешно сожжены вместе с домом и Пурочаной самими Пандавами. Наши герои ускользнули по подземному ходу, а найденные на пепелище обугленные останки женщины и её сыновей убедили горожан и Кауравов в гибели Кунти и Пандавов. Сожжение семьи нищенки было не случайностью, но частью замысла. Мудрый Юдхиштхира предложил: ««…Предав огню самого Пурочану и *оставив здесь шесть трупов*, убежим отсюда незамеченными». И *тогда* под предлогом раздачи подаяния Кунти ночью устроила небогатое угощение…» (Мбх I, 136, *4–5*) (курсив наш – А. И.). В

гибели нищих реализуется мотив заместительной жертвы. Он призван показать, что коварные замыслы антагонистов представляют реальную угрозу, при этом позволяя сохранить жизни протагонистов. Жертва нищего семейства являет первый пример хитрости и жестокости, на которые оказываются способны протагонисты и персонально дхармараджа ради достижения цели. Героя «оправдывает» принадлежность нищих к неарийскому племени нишадов: натурально, варвары, будучи угощаемы, безобразно напились. Можно думать, что сказители рассчитывали на восхищение арийской аудитории находчивостью и удачей своих арийских героев.

7. Первое странствие

«Лишь с большим трудом и издержками можно попасть в кольца удава или в когти тигра и льва»
Иван Гончаров «Фрегат «Паллада»»

«…Пандавы, глубоко удручённые, вместе с матерью вышли через подземный ход и ушли поспешно, незамеченные. Из-за прерванного сна и от страха Пандавы… не могли идти быстро вместе с матерью. Тогда Бхимасена, …наделённый страшною силой и быстротой, посадил на себя всех братьев и мать и пустился в путь. …Врикодара, могучий и прекрасный, пошёл быстро как ветер, силою ломая деревья и ногами взрывая землю» (Мбх I, 136, *15–19*). После привала в лесу Юдхиштхира командует второму брату: «Посадив нас снова (на себя), продолжай путь таким же образом, …ведь ты единственный среди нас – сильный и (быстрый), как ветер». Когда сказал так Царь справедливости, могучий и сильный Бхимасена, взяв Кунти и братьев, быстро пошёл вперёд» (Мбх I, 137, *22–23*). Как видим, в диком и опасном лесу на первое место выдвигается фольклорный богатырь Бхимасена, обладающий сказочной силой, но лидером, на первый взгляд, остаётся старший брат, уже от случая к случаю именуемый царём. Даже для краткой отлучки за водой Бхимасена испрашивает разрешение Юдхиштхиры.

Позже, когда Бхимасена сражается с напавшим на Пандавов людоедом-ракшасом, Арджуна предлагает следующее распределение ролей: «Я готов помочь (тебе), о Партха! Я вступлю в бой с ракшасом, а Накула и Сахадева пусть охраняют мать» (Мбх I, 142, *19*). Старший Пандава в этом списке даже не упомянут, ему не предназначено никакой роли в защите от ракшаса: он глава семейства и раджа по преимуществу, а четверо младших братьев – его дружинники. Далее, когда неожиданно возникают матримониальные планы Бхимасены (его любви домогается очарованная им ракшаси), именно Юдхиштхира выносит вердикт об уместности этого союза и даже формулирует нечто вроде брачного контракта: «…Ты должна поступать по закону, как я скажу тебе, о стройная в талии! Когда Бхимасена совершит омовение и завершит свои утренние и очистительные обряды, ты люби его до захода солнца. Быстрая как мысль, ты проводи с ним время все дни, сколько захочешь, но всякий раз ночью ты должна Бхимасену приносить сюда» (Мбх I, 143, *16–18*). Отметим *en passant*, что прекрасная ракшаси обращалась за разрешением на брак с Бхимасеной не к Юдхиштхире, а к Кунти, но старший сын не дал матери произнести ни слова – первый, но не последний случай отменно агрессивных притязаний Юдхиштхиры на роль главы семейства.

Чтобы не стать жертвой шпионов Дурьйодханы, Пандавы и Кунти, странствуя по лесам и весям, принимают личину отшельников и нищих брахманов, соответственно: «Отпустив себе косы и облачившись в валкалу» (одежда из лыка – А. И.) «и шкуры антилоп, благородные, они вместе с Кунти приобрели вид отшельников» (Мбх I, 144, *3*). Изгнанников не оставляет своими заботами их дед по отцу и божественный риши Вьяса, направляя их странствия и подбадривая оптимистическими пророчествами. Так герои и аудитория получают очередное напоминание о блистательном предназначении Юдхиштхиры: «…Владыка Вьяса… успокоил Кунти (такими словами): «…Этот сын твой и Дхармы – Юдхиштхира, Царь закона, будет повелевать всеми царями на земле. Силою Бхимасены и Арджуны покорив всю землю, он, знающий закон, обуздавший свои чувства, будет, без сомнения, владеть ею по закону. …И эти мужи-тигры, *покорив землю, совершат жертвоприношения Раджасуя и Ашвамедха…*»» (Мбх I, 144, *13–16*) (курсив наш – А. И.). Два наиболее значительных и требующих огромных ресурсов ритуала упомянуты риши не случайно, они, как будет показано ниже, ознаменуют важнейшие вехи царской карьеры старшего Пандавы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.